

Великая Отечественная война определила целое направление в литературе советского периода. Это, естественно, находило отражение в критике, отзывавшейся на всё наиболее заметное, что появлялось сначала в толстых литературных журналах, а потом в книгах столичных и региональных издательств.

Имя Надежды Степановны Тендитник (1922–2003) известно российским литературоведам с 1970-х годов. Её исследования творчества выдающихся земляков и бывших её студентов Александра Вампилова и Валентина Распутина занимают достойное место в литературе о них. Писала она и на другие темы. Будучи преподавателем филфака Иркутского госуниверситета, разрабатывая курс современной литературы, профессор Тендитник сделала основательный обзор главных направлений отечественной прозы 1950–1980 годов в очерке под названием «Школа истории»¹. В нём есть страницы, посвящённые лучшим произведениям о войне.

К этим страницам стоит обратиться и сегодня, потому что, во-первых, они сохранили качество анализа, и, во-вторых, отразили ту линию осмысления военной прозы, что возобладала в критике к концу советского периода.

Характерная черта Тендитник, представительницы реалистического направления, — следовать за создателем произведения, сопоставляя его взгляд на события войны с жизнью и расставляя временные акценты. Тем более что это была и её жизнь: тяготы войны она переживала в тыловом голодном Иркутске, отдававшим все силы для фронта.

* * *

Если обозначить путь литературы о войне коротко, это был путь от замалчивания трагических страниц первых месяцев 1941 года к погружению в правду о всенародном подвиге, достигнутом ценой огромных жертв.

Стоит напомнить, что такой курс был задан Л.Н. Толстым в романе «Война и мир» — убежденностью, что «писать войну как естественное состояние общества, как историю подвигов и побед — преступно, аморально». Толстого не приводило в восторг восхваление побед Петра I и Суворова, как и признание Ломоносова в «Разговоре с Анакреоном», где он «отвергает лирику сердца, чтобы «издать героический шум»». Н.С. Тендитник пишет, что «роман «Война и мир» был революцией в искусстве отражения эпохальных событий и остался на высоте и в наши дни», вместе с другими произведениями Толстого о войне, как «пример нравственного отношения к предмету» (с. 38–39).

Однако «героический шум» прошлых веков оказался востребован в начале Великой Отечественной, чтобы поднять дух армии и народа. И тогда обратились к образам великих полководцев Дмитрия Донского и Александра Невского, Суворова и Кутузова. Показательно, что военный труд А.В. Суворова «Наука побеждать» пригодился и в новую лихую годину — спустя полтора века после его создания!

¹Тендитник Н.С. Школа истории // Тендитник Н.С. Энергия писательского сердца. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. — 352 с. С. 3–173. Там, где упомянут этот очерк, указаны только страницы.

У Суворова можно было взять многое не только в боевых делах, но и в бережном отношении к солдату, его воспитании, организации его быта².

Героическая победная нота, свойственная XVIII–XIX векам, в XX веке уступила место другой — главным героем литературы о войне, вполне по Л.Н. Толстому, стала правда.

Тендитник высоко оценила трилогию К. Симонова «Живые и мёртвые», после которой, по её словам, «стало труднее (или невозможно) писать неправду...», согласилась с позицией журнала «Новый мир», взявшего в 60-е под защиту К. Симонова, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, В. Богомолова, В. Быкова, К. Воробьёва (критик Л. Лазарев) и не поддержала упреков журнала «Октябрь» «в чрезмерном внимании писателей к «окопной» правде и «забвении» «правды великой войны»» (критик И. Кузьмичёв) (с. 30–31).

Наблюдая дальнейшее развитие военного направления в литературе, Тендитник прослеживает, как от масштабного изображения событий шло обращение к «малому плацдарму» войны, «с явным и обострённым вниманием к судьбе человеческой». Рассматривая повести В. Быкова («Атака с ходу» (1968), «Круглянский мост» (1969), «Его батальон», «Сотников» (1970), видит в них «соединение углублённого самоанализа героя с картинами высоких и значительных обобщений» (с. 45, 47).

Повесть В. Астафьева «Пастух и пастушка», написанную в 1967–1971 годах, выделяет как «новый эпос, поражающий смелостью кисти и глубоко национальным колоритом», «пример нового типа художественного освоения действительности», как «совершенное по строгости и гармоничности формы произведение», в котором писатель «показал, как легко убить на войне самое хрупкое — душу человека» и т. д. (с. 49–51).

Достижением военной прозы 70-х годов критик считает тягу к документализму в романах В. Семина «Нагрудный знак ОСТ» (1976), «Плотина», повести А. Адамовича «Каратели», «Блокадной книге» Д. Гранина и А. Адамовича. Опыт работы в этом жанре В. Богомолова — роман «Момент истины» («В августе сорок четвёртого», 1973) называет уникальным (с. 54, 61).

Роман «Плотина» привлёк автора «Школы истории» описанием состояния бывших русских пленных, задержанных в Германии: «Это и победа, и отсутствие этого чувства у бывших пленных... когда рухнул фашистский ордунаг и ему на смену явился новый порядок, внесённый в зону американскими войсками...». И вот деталь, имеющая отношение к нашим дням: «Анатомируя механизмы предательства, самозащиты человека, В. Семин пророчески воспроизводит облик будущего, в котором янки видят себя хозяевами мира» (с. 57).

Не прошла Тендитник и мимо темы предательства в «Карателях» А. Адамовича. «Разве не загадка, — пишет она, — поведение карателей из России, Белоруссии, Украины? На путь предательства они встали в годы, когда никто уже не сомневался: Германия побеждена. Большинство отступников находилось в возрасте 19–25 лет. У них всё было в будущем. Но оказывается, голос здравого смысла легко заглушается духовным капитулянством, оказывается слабее сиюминутной выгоды и эгоистического расчёта» (с. 59).

Эту загадку нам предстояло разгадывать много лет. К теме предательства мы ещё вернёмся, а пока следует напомнить о нравственных задачах, которые решала военная проза: неприятие бюрократизма, казёнщины, карьеризма на фронте, при-

²См. об этом : А. В. Суворов // Русские мемуары. М. : Правда, 1988. С. 19–72.

шедших из мирной жизни; морального разложения в армии, где не было угрозы прямой гибели (например в повести известного сибирского прозаика Д. Сергеева «Позади фронта», 1976) — всё это укладывалось в понятие «цены победы» как основного, передающего сущность войны.

Не оставлен без внимания и такой момент: литература о войне вбирала в себя круг тем, прямого отношения к войне не имеющих, но вызревших в общественном сознании. «Литература о войне... вплотную приблизилась к всестороннему охвату идей современных», — писала Тендитник (с. 64). И это было именно так. «Мысль народная», унаследованная от Льва Толстого, органично вписывалась в военную прозу, она звучала в голосах героев из народа, созданных писателями, также вышедшими из народа. И неудивительно, что неостывшая история раскулачивания заговорила о себе в таких, например, повестях, как «Знак беды» В. Быкова и «Раны» А. Зверева. Как и то, что военная проза легко сливалась с деревенской.

Так расширялись границы военной прозы, происходило насыщение её мотивами исторической памяти, философскими раздумьями о судьбах людских и войнах, несущих гибель и страдание. Совершалось преобразование литературы военной в литературу антивоенную.

Этим русская литература отличалась от литератур других стран. Как известно, там главной темой была судьба потерянного поколения, когда человек, привыкший разрушать и убивать, не вписывался в мирную жизнь и терпел личную катастрофу. Для нас подобное могло случиться с людьми, побывавшими в «горячих точках». Если говорить о послевоенных лишениях, то они достались тем, кто побывал в плену или получил в битве тяжёлое увечье. Для фронтовиков же, имевших достаточно сил, открылся новый фронт по восстановлению страны, их востребованность была колоссальной.

Великая литература о великой войне исследовала тему на высоком духовном уровне. И это было важно не только для нашей страны, но и для всего мира. Можно сказать и по-другому: как страна выстрадала победу, так литература выстрадала военную тему, пройдя свой тернистый путь художественного осмысления исторических событий и человеческих судеб.

Усталость военных и послевоенных лет не могла не сказаться на энергии нации. Несмотря на трудовые подвиги в возведении производственных гигантов, строительстве новых городов в Сибири, произошло постепенное выветривание победного духа в стране, одолевшей сильного и жестокого врага.

* * *

Появление повести «Живи и помни» В. Распутина (1975) сразу же вызвало споры. Одни считали, что дезертир не может стоять в центре истории из военных лет, другие на встречах с автором задавали вопрос: так ли уж виноват Андрей Гуськов? Если бы после госпиталя ему дали отпуск, на который он имел право, и если бы дом не оказался рядом, он бы не совершил побега.

Валентин Григорьевич всегда вполне однозначно отвечал, что Гуськов — не жертва, червоточина имелась в нём самом, и что в военное время нельзя отделять себя от народа. В письме Алексею Звереву по поводу его рассказа о пылкой любви, преодолевшей всё, в том числе и дезертирство, Распутин упрекает автора за симпатию к герою и героине. «Я не могу принять рассказ по его позиции, —

пишет он. — Любовь, которая преодолевает, лучше сказать, бежит от фронта, от войны, наверное, всё-таки преступная любовь, какой бы горячей она ни была»³.

Можно привести и ещё одно любопытное свидетельство — о диспуте в Ангарске в 1976 году, где в литературном клубе «Свеча» обсуждалась повесть «Живи и помни». Об этом рассказывает в своей книге «Кубик Рубика» организатор клуба Инна Фруг, врач и литератор. «Хотя диспут был интересным, долгим, горячим — ни к чему не привёл. В том смысле, что автор, сжав губы, устремив куда-то вдаль свои чёрные жгучие глаза, стоял на своём: Андрей плохой, очень плохой, и не зря чуть ли не превращается в животное...»⁴.

В этом диспуте подробно описан спор одной из читательниц с автором, его трактовкой образа дезертира Гуськова. Чего мы не наблюдаем сегодня. Сегодня спор идёт между критиками в толковании текста, зачастую без учёта не просто мнения писателя и его мировоззрения, но и, что самое главное, без учёта характера героя, логики его развития, заложенной писателем изначально. Вместо несогласия с автором возникает несогласие якобы в прочтении текста, что уводит спор совсем в другую плоскость. Всякий имеет право не согласиться с автором в изображении героя или события. Надо только сказать об этом прямо и не забывать, что всякий имеет право также и согласиться с автором! А не пытаться через «более правильное прочтение» переиначивать смысл произведения.

Вообще стало трудно опровергать какие-то очевидные вещи после того, как в литературоведении появилось особое понятие текста, который рассматривается как нечто самодовлеющее и может толковаться в отрыве от авторского «я» с его мыслями и чувствами. По сути, открылась возможность ловить писателя на слове. И такое произошло однажды с Распутиным, когда на съезде депутатов СССР он произнёс фразу, из середины которой нашлись охотники вырвать слова: «...а может быть, России выйти из состава Союза?..» Эти слова ему дорого стоили. Даже четверть века спустя продолжает звучать в адрес писателя упрёк в призыве к развалу Союза. Никто из упрекавших почему-то не приводит ни предшествующего «... я размышляю: а может быть...», ни вывода из размышлений: «А лучше всего вместе бы нам поправлять положение. Для этого сейчас, кажется, есть все возможности». В искажении смысла высказывания легко убедиться, если заглянуть в стенограмму выступления писателя 1 июня 1989 года в Интернете.

Примерно то же произошло с повестью «Живи и помни», когда в перестроечное время появились статьи в защиту Андрея Гуськова, с обвинением тоталитарного советского режима, беспощадного к человеку. Поскольку они продолжают появляться, придётся ещё раз ненадолго вернуться к этой повести⁵.

Оправдание Гуськова нельзя признать правомерным даже и по логике самодовлеющего текста. Приводить подробные доказательства не входит в задачу этой статьи, да они и не нужны, сошлусь лишь на один эпизод.

...Начало войны. Пароход увозит призывников из родных мест. Проплывая мимо Атамановки, мужики начинают кричать, чтобы их услышали на берегу, и в ответ им тоже закричали, замахали платками. При виде этой сумятицы «он (Андрей) почему-то готов был уже не войну, а деревню обвинить в том, что он вы-

³Цит. по: Тендитник Н. Ответственность таланта // Тендитник Н.С. Мастера. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. С. 79. (Из архива А.В. Зверева.)

⁴Фруг И.Л. Кубик Рубика : Иркутск, 2005. С. 98—104.

⁵См. об этом : Фокин П.Е. Наследник по прямой. Достоевский и Распутин // Валентин Распутин. Правда памяти : материалы Всерос. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения В.Г. Распутина. Иркутск, 2018. С. 139—151.

нужден её покидать». В нём вызревает обещание, о котором помнил все годы. И «со взывавшим недобрым упрямством он вслух пообещал: «Врёте: выживу. Рано хороните... Уж с вами-то ни черта не сделается — увидите»⁶. Это «выживу» и толкнуло его к дезертирству.

Распутин, разумеется, не рисовал характер односторонне. Не заведомый предатель, Гуськов «воевал как все», «поперёд других не лез, но и за чужие спины тоже не прятался», то перебарывал страх, то поддавался страху — особенно когда «ясно начал проглядывать конец войны» и хотелось уцелеть. Просто той меры самоотдачи, которая была отпущена ему, оказалось мало, потребовалась очень высокая — сверх меры. И он не выдержал последнего испытания, не дотерпел, не додюжил. И стал бедой для родных, и не догадался, что поставил Настёну в безвыходное положение. Потому что для неё было важнее не «выжить», а «стыдно жить». И это главный конфликт «Живи и помни», и он лежит в сфере духовной. Переводить его в социально-политическую, которая есть вторичная, зависимая от духа сфера, означает ограничивать масштаб повести, не учитывая её главного смысла.

В сущности, здесь могло и не быть трагедии. Если бы Андрей Гуськов не сложился после совершения побега, а был последователен в своём выборе. Ты хотел выжить — выживай, прячься и дальше, уходи туда, где тебя не знают, меняй имя, выбирай момент, когда объявиться, или не объявиться никогда, и т. д. Побереги Настёну, старых больных родителей. Настёна не выдаст, даже скроет твоё отцовство.

Исчезнуть — был бы, по крайней мере, мужской поступок, и он вызвал бы больше сочувствия к оступившемуся, но заплатившему сполна за свою минутную слабость человеку. Гуськов такого выхода не рассматривал⁷.

Разумеется, в этом случае была бы преуменьшена глубина огромного бедствия страны не только в связи с войной, но и в связи с качественными потерями, понесёнными мужской половиной народа в почти непрерывных катастрофах всей первой половины XX века. Потому у Распутина — героини, а не герои: его знаменитые старухи (все вдовы!), а также Настёна, Галя Позднякова, Тамара Ивановна, — мужья которых сравнения с жёнами не выдерживают.

Второй пример снижения победного духа — это широко известное мнение всенародно любимого писателя В.П. Астафьева о том, что Ленинград надо было сдать врагу, чтобы сохранить жизнь блокадников.

Мы дожили до того, что уже можно ставить вопрос: а не надо ли было сдать на милость Гитлеру в самом начале его нападения? Интересно, как бы разделились голоса? И где бы мы были при первом варианте? Не исключено, что до сих пор бы воевали за освобождение от колониального рабства. Да и негоже нам, ныне живущим, говорить, что погибшие погибли напрасно. Они ведь и за нас погибли...

Так же странно выглядит название последнего романа Астафьева «Прокляты и убиты» (1994), которое родилось из фразы, приведённой в тексте: «Все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, Богом прокляты и убиты». К кому относится проклятие, если речь идёт о войне оборонительной, развязанной иноземными захватчиками? Догадок было высказано немало. Из самого же текста ясно: цена Победы назначена писателем самая высокая. В неё включено всё: помимо ошибок

⁶Распутин В. Живи и помни : Повесть, рассказы. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. С. 18–19.

⁷Подобный этому поворот в сюжете видел В. Астафьев в письме В. Распутину: «Твоей Настёне с ребёнком, да вместе с мужем затеряться было в любом лесном хозе — тыфу! раз плюнуть». Но это была бы уже повесть не про Настёну, которая, по словам автора, не послушалась его и нарушила его замысел, когда покончить с собой предстояло Гуськову, а не ей. Астафьев В.П., Распутин В.Г. Просто письма... М., 2018. С. 2.

командования и бесчеловечного отношения к солдату — все потрясения начала XX века: революция 1917 года, Гражданская война, раскулачивание, отпадение от православной веры. Они извратили душу человека, сделали её греховной. За что и настигла расплата — посланная свыше новая жестокая война. Список грехов почему-то не был продолжен в другую, дореволюционную сторону, где были и войны, и Смутное время, и церковный раскол — тоже насада для души...

Критики отмечали большую долю натурализма в картинах этого романа. Действительно, тяжёлого так много, что невозможно представить, как люди, пройдя такое, могли, были способны радоваться победе! А ведь радовались! Именно эта радость, этот дух Победы и дал народу силы залечивать раны, восстанавливать разрушенное.

Касаюсь «Проклятых и убитых» не в осуждение писателя-воина, защищавшего страну на поле боя и принявшего на себя все её тяготы. Ему возразил в письме его друг, тоже писатель-воин, Е.И. Носов⁸. Но мы-то сегодня уже осознаём, что война была многоликой, и много правд в ней слилось в одну: правда солдатская и правда командующих фронтами, правда лейтенантская и правда военных корреспондентов. И были разные взгляды у очевидцев сражений и тех, кто изо дня в день шёл под пулями.

Примеры приведены лишь как показатели вытеснения победного духа духом сомнений, колебаний — так называемой рефлексией.

* * *

Надо заметить, мы как-то трудно осмысливаем реальность, долго вырабатываем стратегию страны в мирное время. Зато поиск правды в прошлом, нравственные оценки правления вождей и царей стали в некотором роде навязчивой национальной идеей. Мы спорим о Сталине, Николае II, Петре I, Иване Грозном, реформаторе Столыпине, якобы извлекая опыт. Но результатов не видно. Вместо того чтобы с уважением отнестись к истории, учесть провалы, но и не забывать о победах. Нельзя опираться на бесконечное перебирание горестных страниц — это не даёт духовной силы для свершений.

При всём при том мировая политика развивается по своей логике. Давно уже ясно: государство можно разрушить без применения оружия — перестроить сознание населения методом информационных диверсий извне, если им нет противостояния изнутри. И вот новое вероломство, такое же неожиданное, как внезапное нападение в 1941 году, как отказ Европы и США принять новую Россию в 1990-е годы, — массивный пересмотр истории Второй мировой войны и сведение на нет заслуг СССР в победе над фашизмом. Наш опыт переживания, осмысления войны как противоестественного явления отброшен прочь западными политическими элитами, поскольку не совпадает с их интересами. Включая даже страны-союзницы, выступившие в войне на стороне СССР.

Мы потеряли победный дух, потеряли свой миф о могучей державе, о граде Китеже, Беловодье, Святой Руси, миф о социализме и коммунизме как единственном выборе человечества.

Каждый народ пишет свой миф. И это не сказка, а сокровенное представление народа о себе, утверждение своей значимости среди других народов. На наших глазах создаёт новый миф Украина — о том, что древние укры внесли в историю

⁸См. об этом: Астафьев В.П. Собр. соч. : В 15 т. Т. 15 : Письма 1990–1997 гг. Красноярск, 1997–1998. С. 148.

человечества небывалый вклад. Можно смеяться, но в этом нация черпает силы, чтобы преодолевать трудности на своём пути. И победный дух будет востребован до тех пор, пока существуют границы между странами. А они в ближайшее время вряд ли будут отменены.

Чем ответил народ России на попытку отнять у него Великую Победу?

Ответил Бессмертным полком. Он зародился в заснеженной сибирской глупинке, в городе Томске в 2012 году. Поклон Томску!

Россия подняла над собой лики предков, победителей и жертв вместе, как щит, как последний заслон от вновь грянувшей напасти. Хотелось бы надеяться, что это стихийное и мощное движение не вырождается в формальность или, чего доброго, в шоу, уж лучше пусть уйдёт в те глубины народного духа, из каких и пришло.

* * *

XXI век принёс постсоветской России новые тревоги. Конкуренция между странами не ослабевает, несмотря на перемены в общественно-государственных устройствах. В таких условиях необходим духовный подъём народа, опора на лучшее, что можно извлечь из прошлого.

Русская литература сказала своё слово о Великой Отечественной войне. Книги выдающихся писателей второй половины XX века стали классикой, потому что в них сохраняется духовно-исторический опыт народа, выдержавшего небывалые испытания.

Но и суворовскую «Науку побеждать» забывать не следует.

Надо только прибавить к науке побеждать на поле боя науку побеждать на поле мирного труда. Выработать её сообща и воплощать в жизнь. И тогда литература будущего непременно запечатлеет путь восхождения на новый холм Славы необыкновенной и удивительной страны России! Пафос уместен.